

Олег Мраморнов

Олег Борисович Мраморнов – литературный критик и эссеист, автор биографической прозы «Донские памятки», «Записки и записи» и нескольких стихотворных сборников, вышедших в издательстве «Кругъ». Переводчик поэм «Луч микрокосма» и «Лжецарь Степан Малый» классика сербской литературы Петра Негоша, изданных отдельными книгами в издательстве «Спасское дело». Стихи черногорско-сербской тематики переводились на сербский язык и печатались в массовых газетах и изданиях Черногории. Неоднократно награждён грамотами Союза писателей этой балканской страны.

ГРАНИЦА ПРОХОДИТ ПО ДЕРКУЛУ

*Заметки о романе А. Можяева «За чертой».
К освобождению Луганской Народной Республики*

Если очертания границ образованной в 1938 году в составе Украинской ССР Луганской (Ворошиловградской) области наложить – на просвет – на карту Российской империи с её регионами, то будет явственно видно, что к Луганщине был прирезан кусок самой западной части бывшей Области Войска Донского в виде юртовых владений Станицы Луганской (город Луганск в Донскую область не входил). Именно на этом участке земли, в древности усеянной костями ратников дружины князя Игоря, начинают развёртываться судьбы героев и последующие события остросовременного романа Александра Можяева «За чертой», недавно появившегося в книжных интернет-магазинах. Роман продолжает богатую традицию казачьей литературы, прежде всего «Тихого Дона». Из приграничных хуторов Митякинской и Луганской станиц действие переносится в Луганск и окрестности. После распада СССР здешние хутора оказались в разных государствах, а прежде детвора как Украины, так и России обучалась в одной сельской школе, и все хуторяне жили дружно, заодно. Когда отдельной Украины вообще не существовало, то речка Деркул разделяла всего лишь Митякинский и Станично-Луганский юрты, казаки которых вместе служили в 10-м Донском полку. Лишь после того, как Украина перестала быть советской и стала незалежной, местный народ узнал, что государственная граница условно проходит по Деркулу. Условно потому, что на некоторых участках граница отходит от реки и петляет по её старому руслу. На берегах этого притока Северского Донца при Советах располагались плантации российского колхоза «Ленинский путь». После развала Союза развалился и колхоз, его земли отдали на пай бывшим колхозникам. Земля осталась российской, но чтобы попасть на неё, главному герою романа «За чертой» нужно пересекать украинскую границу, и дорога к его земельным паям проходит через пограничный мост и украинский контрольно-пропускной пункт. «И хотя пограничной службы на той стороне ещё не было, к Деркульскому мосту притянули вагончик и поручили дежурить станично-луганской милиции. Ко времени всеобщего раздвоя цены на различные товары стали значительно отличаться. Так, на Украине были дешевле водка и табак, в России – бензин и соль. В обе стороны двинулись караваны машин».

Можяев говорит, что в первые постсоветские годы жизнь в приграничных хуторах текла «ни шатко, ни валко. Люди постепенно привыкли ко всяческим неудобствам и даже считали их неотъемлемой частью своего бытия. Заступившие на дежурство российские пограничники разогнали контрабанду, и через мост уже не шли караваны бензовозов и фур. В ответ Украина в одностороннем порядке ввела ограничения на ряд товаров и продуктов, дав тем самым толчок на расцвет “сумочной” контрабанде. И, навьючившись сумками, потянулся народ в поисках своей выгоды к таможне.

– Куда ж вы всё это прёте? – спрашивали на российской таможне, где запреты не действовали. – Вас же на украинской не пропустят...

– Пропустят... Договоримся как-либо с Блажеёнком...»

Хуторяне оказались по разные стороны государственной границы и, для того чтобы добраться до своего клочка земли, поехать по делам, навестить родственников, друзей и подруг, вынуждены пересекать «дэржавный кордон Украины», на котором «банкет» их придурковатый земляк по кличке Блажеёнок, сынок бывшего председателя колхоза, бок о бок с ними выросший. У государственного кордона происходят всякие забавные – а то и драматические – события. Выдав украинским националистам доблестного защитника ЛНР Кудина, Блажеёнок сыграет в романе вовсе не комическую, а зловещую роль. Он вызывает лишь чувство презрения; другой украинский персонаж, старый колхозный бригадир Зынченко, напротив, подан с симпатией.

Донцы веками живут в соседстве и вперемежку с украинцами. Но если с запорожскими сечевиками (и с нынешними кубанцами) они навеки связаны святыми узами товарищества и братства, то с прочими не так всё просто. Вспомните эпизод драки казаков с тавричанами на мельнице из первой книги «Тихого Дона». Чуть до смертоубийства не дошло, но нашёлся старый переселенец из Таврии, с факелом бросившийся к сараям с обмолоченным зерном и заоравший: «Запалю!» Это драчунов охолодило, казаки отступили, а тавричане попрыгали на повозки и скрылись. Казаки попытались было догнать их на своих быстрых конях, но откуда-то возник рассудительный социал-демократ Штокман, вспыхнул родословный спор, и дело сошло на нет. Искусно выписанный великим художником эпизод вроде бы проходной, но ничего проходного в «Тихом Доне» нет: неприязнь казаков к иногородним имела место. Братоубийственная гражданская война 1918–1920 годов заставила покинуть родные курени многих станичников, а последовавшая за ней практика социалистического строительства привела к тому, что, собственно, казачье по своим корням население в пределах бывшей Донской области, утратив всякие привилегии и подвергшись репрессиям, ещё больше поредело. Лётся ли ещё казачья струйка в донских краях? Написанный из глубин народной жизни роман Можаяев свидетельствует, что казачьи потомки сохранили воинственный дух; в своей подавляющей массе они не отделяют себя от обитателей остальной России, но не забыли и о собственных корнях и истоках. Красочные картины и сцены свидетельствуют о верности традициям, о возвращении православия в сельский быт, о сохранности обрядовых, культурных и языковых особенностей.

Роман написан от первого лица, автобиографичен, хотя, вероятно, не следует целиком и полностью отождествлять известного русского писателя Александра Можаяева с образом главного героя. Повествователь появляется перед нами в качестве атамана Митякинского юрта и досконально знающего броды, овраги и тропы проводника добровольцев, приехавших из России помочь луганчанам в их борьбе с «бандерлогами». В период первой луганской войны за свободу, весной, летом и осенью 2014 года, атаман плотно взаимодействует с министром обороны ЛНР Бэтменом, другими лидерами сопротивления, воюет рядом со своими друзьями Жекой и Кудиным, попадает под обстрелы и в засады. Военные сцены романа до дна обнажают ужасы гражданской войны, преступления сторонников Степана Бандеры, множащих сторонников таким, например, способом: «Войдут под видом ополченцев в какой-нибудь дом, ограбят, мужика скрутят и на его глазах, под крики “Да здравствует Россия”, жену изнасилуют и убьют, а мужика “случайно” живым оставят...» Что сделает мужик? – примкнёт к бандеровцам. Динамичные, экспрессивно выразительные описания вооружённых стычек представляют собой захватывающие страницы отечественной батальной прозы и делают произведение памятником русского сопротивления на Донбассе. Добровольцы с русской стороны идут на тот берег Дрекула «не за деньгами и не за славой, хотя каждый из них втайне от других и мечтает совершить для своей Родины подвиг. Какой он, этот подвиг, они ещё не ведают, как и не ведают того, что, покинув свои уютные квартиры, поборов страх и выйдя на эту тропу, они уже совершили свой подвиг». Попадая в среду защитников ЛНР, добровольцы слышат: «Всё равно перебором бандерву!.. У них своё, а у нас своё! Мы как были Войском Донским, так и остались им, и этого из нас не вытравить! Под себя народ не переделают... Их знаешь сейчас скоко поразвелось по всей Украине?.. Свидомых-пересвидомых... Они ведь не уймутся, пока нас не изведут всех под корень...» А с украинской стороны раздаётся нам знакомое: «Засилы москали по всим кабинетам. Ничого, выкорчуемо... Гиляк на усих хвате. Чисто буде...»

«Митинги в Луганске шли с января четырнадцатого года, – пишет Можаяев. – У памятника Шевченко митинговали сторонники киевского майдана, а напротив, через дорогу, у памятника “Жертвам

УПА” проходили немногочисленные выступления тех, кто ратовал за русский язык и за союз с Россией. Митинги проходили в основном мирно, в лучшем случае старались лишь перекричать друг друга, что с переменным успехом удавалось и тем и другим. Страсти стали накаляться лишь в феврале, а, когда в Киеве произошёл вооружённый переворот, Луганск, наконец, проснулся и вывалился на площади. Все склонялись к тому, что Донбассу нужно жить на Украине в составе федерации со своим языком и своим местным самоуправлением.

22 февраля, на другой день после киевского переворота, в Харькове собрался съезд, который был призван объединить одной общей идеей все регионы Юго-Востока Украины и Крыма. А идея у всех была одна: провозгласить федеративную республику и тем самым отгородить себя от пробандеровского Запада. День выдался солнечным и по-весеннему тёплым. На съезд съехалось три с половиной тысячи делегатов от всех областей. Такое количество смогли разместить лишь во Дворце Спорта. На сцене поставили длинную трибуну для президиума, которую опоясывало полотнище в виде Георгиевской ленты. За президиумом во всю стену красное полотнище, на котором было написано: “Съезд депутатов всех уровней Юго-Востока Украины, АР Крым и Севастополя”. От России на съезд прибыли представители четырёх граничащих областей, а также депутат Государственной Думы Алексей Пушков и сенатор Михаил Маргелов.

Делегация от Луганска, в которую входил Носач (запоминающийся персонаж, председатель Станично-Луганского райсовета, потерявший жену и ушедший в монастырь. – *О.М.*), прибыла одной из первых, поэтому заняла места поближе к президиуму. Носач, надеясь выступить, набросал на листке тезисы своей речи, но съездом заправляли губернатор Харькова Добкин и мэр Кернес, – они уже заранее знали: кто выступит и что скажет.

Со съезда Носач прибыл и ободрённый, и вместе с тем несколько растерянный. Бодрило его то, что съезд не признал киевских путчистов и объявил, что власть на местах переходит к органам самоуправления, им же переподчинялась милиция. Нравился ему намеченный курс на сближение с Россией и ещё один пункт, в котором говорилось: “Рекомендуем населению самоорганизоваться для взаимодействия с правоохранительными органами на местах”.

– Это что ж, мы теперь все под ментов ляжем? – гудел Жека.

– Нет, ровно наоборот, – терпеливо разъяснял Носач. – Милиция переходит в подчинение самоуправления, то есть нам, и мы с ней взаимодействуем. По этому пункту все наши дружины самообороны теперь приобретают легальный статус.

Смущало Носача лишь то, что съезд был скоротечен, скомкан, галопом проскакал за два часа и главный вопрос, который был на устах всех делегатов, – объявление федеративной республики Юго-Востока, так и не был принят.

Уже по окончании съезда Носачу удалось пробиться к Добкину и на ходу задать вопрос о федерализации.

– Начало положено! – обнадёжил тот. – Остальное доработаем. Всему своё время... – спеша к выходу, говорил он <...>.

Уже скоро Добкин прибыл в Луганск, призвал народ разойтись по домам и признать киевскую власть. И здесь Носач, к дальнейшему своему стыду, потерял присущее ему самообладание и повёл себя подобно Кудину или Жеке. Он обозвал бывшего соратника неприличным словом и в подтверждение сказанному повесил ему на ухо порванный презерватив. Надежды решить всё законным путём рушились на глазах.

В Донецке и Луганске главы администраций, получив из Киева указания, уже забыли о выполнении решений харьковского съезда, часть областных депутатов разбежалась, и принять какое-то легитимное решение стало невозможно.

Один лишь Крым не поддавался ничьим посулам – держал свою линию.

Третьего марта весь день митинговали, а уже к вечеру пришли к общему мнению, что нужно избрать инициативную группу из пяти человек по подготовке к референдуму о федерации в составе Украины. Тут же на митинге, чтоб исправить положение, спешно избирали недостающих “народных депутатов”. А пятого марта избрали “народного губернатора”. Им стал Александр Харитонов, возглавлявший “Луганскую Гвардию”, но уже тринадцатого марта “народного губернатора” выкрала и вывезла в Киев СБУ.

Тридцатого марта намеченный референдум всё-таки состоялся. Свыше девяноста шести процентов опрошенных высказались за федеративное устройство. Признай это в Киеве – не было бы никакой войны и Донбасс остался бы в составе Украины. Но вместо этого на Луганщину двинулись эшелоны с войсками. Народ забурлил пуще прежнего, и теперь уже, обновлённый “народными депутатами”, Областной Совет провозгласил Луганскую Народную Республику и призвал на референдум о выходе из Украины. В Луганске наметилось двоевластие: Областной Совет и подчиняющаяся Киеву администрация.

– Любо Носачу! – вопят казаки. – Исторически мы являемся частью Войска Донского, – с тем и войдём в Россию, пока вы тут чухаться с референдумами будете!...»

В июле 2014 года Станица Луганская, где также развёртывается часть драматических событий, пала под ударами боевиков националистических батальонов и сил ВСУ. Война подкатилась вплотную к Дрекулу, следовательно, и к местообитанию атамана, чья раненая нога заставила его в какой-то момент отказаться от дальнейших походов за роковую черту.

«За Деркулом, всего лишь в сотне метров, хищно посматривая в нашу сторону, ходят бойцы нацбатальонов. Каждый вечер они подходят к вагончику своих пограничников и из пулемётов расстреливают вагончик нашего погранпоста. Российские пограничники давно окопались и находятся в блиндажах, прикрытых бетонными блоками и мешками с песком. Нацикам очень хочется, чтоб они ответили и расстреляли украинских пограничников, но наши молчат. Под горой, в полукилометре от меня, ВСУшники вкопали три танка, кажется, их стволы смотрят точно в моё окно. Под моим домом небольшой забетонированный погреб. Виктория давно занесла сюда матрас, одеяло, свечи и несколько пятилитровых бутылей воды. В случае обстрела сюда можно будет спуститься с детьми...»

Под занавес повествования обнажается и тёмная сторона луганской борьбы – то, что привело к гибели ряд ополченцев первого призыва, в том числе Бэтмена. Больше исторических имён называть не буду – читатель может узнать их сам. Чудовищная гибель наступает и попавших под колесо истории Кудина и Натаху, чья незаконная любовь на берегах Деркула есть как бы роман в романе. Их проходящая сквозь годы связь напоминает о Григории Мелихове и Аксинье Астаховой – подобно им, герои Можаяева неодолимо влекутся друг к другу. Судьбы многих персонажей романа окрашены неподдельным драматизмом человеческого существования и способны привлечь к себе самое широкое читательское внимание. При всей фактологической точности роман представляет собой крепко и профессионально сшитое художественное полотно. Это не силиконовый, а традиционный реалистический роман. Пишут теперь излишне много, но яркое сочинение Можаяева не должно затеряться в словесных потоках.

* * *

Из множества материалов печатной периодики, связанных с трагическими событиями на юго-востоке Украины, моё внимание не так давно привлекла заметка доктора философских наук, профессора Луганского государственного педагогического университета Виталия Даренского, по мобилизации призванного в армию ЛНР в самые первые дни начала военной спецоперации. Мне и прежде доводилось читать статьи и выступления этого незаурядного автора, члена Союза писателей России. На сей раз, во время недолгого отдыха на марше, Даренский написал: «Вообще-то за семь лет Луганск отвык от войны. Хотя фронт стоял по Донцу всего в 15 километрах, но после окончания дебальцевской операции обстрелов города не было. “Укропы” обстреливали только прифронтовые посёлки и позиции армии ЛНР. (Я называю их “укропами” для простоты, чтобы не нагромождать аббревиатур и длинных официальных названий. Без каких-либо уничижительных пропагандистских целей, как это происходило в 2014-м, когда нас называли колорадами или лугандоном.)

Всё изменилось 19 февраля 2022 года – вечером вдруг громко взорвалось несколько 122-миллиметровых снарядов где-то недалеко. Это был прилёт – значит “укропы”. На следующий день мы услышали уже не взрывы, а выстрелы, – это отвечала наша артиллерия. Потом – тихий день, но все у нас в Луганске поняли, что просто так это не закончится...

И вот – мобилизация! Всех – от 18 до 55 лет. Стало ясно, что теперь уже будет всё по серьёзному. Странные чувства: с одной стороны, никто не хочет войны, но с другой – какая-то радость в душе:

наконец-то! За восемь лет ожидания и неопределённости словно сжималась в душе какая-то тайная пружина – чтобы теперь вдруг распрямиться во всю силу...»

3 июля пришла, наконец, обнадеживающая новость: «Шойгу доложил Путину о взятии под контроль территории ЛНР». Союзные войска освободили Лисичанск от украинского присутствия, и Народная Республика отныне может осуществлять контроль надо всей территорией бывшей Луганской области. Это позволяет с облегчением вздохнуть, но боль и горечь переполняют сердце, когда думаешь о многих и многих жертвах восьмилетней войны, видишь на телевизионной картинке чудовищные разрушения, которым подверглись города и сёла, расположенные по течению славного в русской истории Северского Донца. В руинах лежат северные районы Луганщины вокруг Попасной, Рубежного, Северодонецка и других населённых пунктов. Чудо, если там ещё теплится человеческая жизнь. В тяжелейших обстоятельствах я не дерзаю пророчествовать о светлом будущем. Да и в тексте романа «За чертой» нет никаких досужих геополитических рассуждений о счастливом многополярном мире, а представлена народная правда и народная жизнь в её конкретике, в её обаянии и в её боли. Это придаёт повествованию не политическое, а гуманистическое звучание.

Поэтому в заключение я приведу слова одного из несомненных творцов, героев и жертв луганской эпопеи, злодейски убитого в 2015 году комбрига Алексея Мозгового, в своих чаяниях нацеленного на социалистический идеал СПРАВЕДЛИВОСТИ.

«Победа заключается не только в окончании боевых действий. Это ещё и изменения мировоззрения и мысли человека. Это переломный момент. Продолжит человек жить в тех рамках, в которые его загнали, или освободится от этих рамок? Нам сейчас дан шанс начать мыслить. Если мы и после этого не станем думать и принимать сами за себя какие-либо решения, то это победой нельзя будет назвать. То есть все эти жертвы будут зря <...>.

Величие русского мира будет восстановлено. И каждый, кто посягнёт на русский мир, понесёт наказание. И каждый пострадает от своей алчности и желания его погубить. Кто с мечом к нам придёт, от меча и погибнет. Русский мир – это великая сила <...>.

Мы весь мир заразим свободой, справедливостью и совестью».